

Анна Шибарова

**«Заметки одной ительменки»
и другие очерки Тьян Заочной.
О поиске этнического самоопределения**

Abstract: This contribution presents three late 1970s autobiographical essays written by dissident Tyan Zaochnaya (born 1950 in Kamchatka). They were published in anthologies edited by the feminist dissident Tatyana Mamonova in the West after she was expelled from the USSR for the samizdat publication of the journal *Woman and Russia*. Zaochnaya herself has lived in exile since 1980 and is a member of the international indigenous rights community. The introduction to the published essays reconstructs the biographical trajectory which leads to the formation of Zaochnaya's ethnic identity as an Itelmen woman, a representative of the autochthonous people of Kamchatka. The reconstruction is based on Zaochnaya's ego-documents created in the late 1970s-1980s, contemporary oral and written interviews with her, as well as some published and unpublished memoir sources.

Keywords: Tyan Zaochnaya, Itelmen language, Soviet dissent, national identity

Татьяна Карповна Заочная родилась в 1950 году в селе Пушино на Камчатке. Осознание себя ительменкой, представительницей малочисленного коренного народа Камчатки, пришло к Заочной не сразу, как не сразу пришло к ней и имя Тьян. Публикуемый эго-документ «Заметки одной ительменки» (1979) позволяет реконструировать сложный путь поиска этнической идентичности, высвечивая биографические и психологические истоки того, как человек, родившийся на северных окраинах России, в глубоко ассимилированном регионе, где отовсюду слышна русская речь, начинает осознавать свои этнические корни и ценность языка предков, которого он лишен. Счастливое сочетание

личных качеств — открытость характера, живое любопытство и любознательность — рождало желание перемен, а растущее осознание несправедливости отношения власти к маленькому народу дало импульс гражданскому действию. Уехав из родных мест под влиянием обстоятельств, о которых расскажем ниже, Заочная оказалась в Москве, где, выйдя замуж за диссидента Евгения Борисовича Николаева (1939–2010), примкнула к правозащитному движению и летом 1980 года, накануне московской Олимпиады, была вместе с мужем и пятилетним сыном выслана из СССР.

Эмиграция далась ей нелегко: Заочная не стремилась на Запад. Однако отъезд открыл новые возможности. В ФРГ Тьян Заочной удалось стать частью международного сообщества, занятого проблемами автохтонных народов мира. Освоившись в культуре принявшей ее страны, выучив немецкий, она с радостью взяла на себя роль посредника между Камчаткой и новой родиной. Так политэмигрантка Заочная стала общественницей — она любит называть себя этим словом. Публикуемые тексты документируют самое начало этой *vita activa*. Все три очерка были написаны по инициативе ленинградской поэтессы, художницы, феминистки Татьяны Мамоновой и предназначались для публикации в журнале *Женщина и Россия*.

Татьяна Арсеньевна Мамонова (род. 1943) летом 1980 года под давлением КГБ уехала на Запад, ныне живет в Нью-Йорке. Поводом для изгнания Мамоновой из Советского Союза послужил выход в конце 1979 года альманаха *Женщина и Россия* (Вознесенская и др.: 1980)¹. Десять экземпляров первого номера были выпущены в самиздате 25 сентября 1979 года². Суровый обличительный тон, гневный протест против отношения советского государства к женщине, — «унизительные условия в родильных домах, абортариях, коммунальных квартирах и т. д.» (Мамонова и др. 1980: 124) — все это вызвало мощную волну интереса к журналу. С поразительной скоростью информация о нем распространилась в самиздатских кругах и на Западе:

1 Об истории первого выпуска альманаха см.: Сидоревич (б. д.), Васякина/Козлов/Талавер 2020.

2 См.: Вести из СССР. № 21. 15 ноября 1979. <https://vesti-iz-sssr.com/2016/11/17/15-noyabrya-1979-n-21/> (24.03.2025)

Еще до конца 1979 года сообщения о его издании публикуют самиздатские, эмигрантские и иностранные журналы и газеты, передают «вражеские голоса» — зарубежные радиостанции, вещающие на Советский Союз. Вскоре появляются содержательные рецензии, западные феминистки оперативно готовят переводы альманаха на английский и французский языки и русскоязычное переиздание.

(Козлов 2020: 21–22)

Реакция КГБ не заставила себя ждать. Летом 1980 года четверем женщинам, участвовавшим в создании альманаха, пришлось покинуть страну. Это были Татьяна Горичева, Юлия Вознесенская, Наталия Малаховская и Татьяна Мамонова. Оказавшись на Западе, Мамонова писала:

[...] я хотела издавать журнал сначала на Западе, при поддержке Международного феминистского движения. Но Таня Горичева, а позднее Юлия Вознесенская, так горячо откликнулись на мое предложение, что, благодаря росту наших сил, стало возможно не только выпускать альманах «Женщина и Россия», но и ускорить его появление (первых экземпляров ждали с таким нетерпением, что они были изданы в сокращенной версии и назывались «журнал»). Этот энтузиазм очень радовал, но очень скоро привлек внимание КГБ, и второй номер не вышел. (Мамонова 1980: 13. — *Здесь и далее пер. этого текста с франц. М. Гистер*)

Противоречия, которые наметились между членами редколлегии еще во время работы над первым выпуском, после отъезда на Запад проявились еще сильнее. О пресс-конференции Мамоновой в Париже 1 октября 1980 газета *Русская мысль* сообщала:

На вопрос о сотрудничестве с другими феминистками, выехавшими из Советского Союза — с Т. Горичевой, Ю. Вознесенской и Н. Малаховской — Т. Мамонова ответила, что это сотрудничество вряд ли возможно, в связи с христианской направленностью их журнала «Мария». (К. С. 1980)

Отмежевавшись от нового самиздатского журнала *Мария*, Мамонова стала быстро налаживать связи с западными партнерами — феминистскими группами, издательствами, академическими кругами Европы и США. Так с некоторым запозданием осуществился ее исходный план выпускать альманах на Западе, в тесном сотрудничестве с западным женским движением. На волне широкого успеха первого номера Мамонова смогла некоторое время продолжать выпуск альманаха в иноязычном пространстве. Наряду с парижскими издательницами, открывшими ленинградский феминизм французскому читателю (Сидоревич 2020: 88–97), ключевую роль в популяризации альманаха на Западе сыграли известная американская феминистка Робин Морган и редакция журнала *Ms. Magazine*. В предисловии к американскому изданию *Woman and Russia*, вышедшему в 1984 году, Морган рассказывала о своем знакомстве с Татьяной Мамоновой и об их совместном турне по США:

In August of 1980, I flew to Vienna for a week of intensive meetings with four of these women [...]. The days in Vienna were alive with embraces, shared laughter and tears, and an inordinate amount of strong tea. Tatyana Mamonova and I talked about everything from our lives as women artist and activists, to our children (both sons), to the militaristic of our respective male governments [...] Ms. brought Tatyana for a visit to the United States, and she and I toured the country, speaking together at almost twenty colleges and universities.

(Morgan 1984: IX–X)

Славистка Сара Малицки (Sarah Malitsky), участвовавшая в работе над *Woman and Russia* (публиковалась также под псевдонимом Рошель Руфчайлд, Rochelle Ruthchild), отмечала в своей статье, посвященной советскому феминизму, внушительное количество переводов, инициированных Мамоновой:

Of all the exiled feminists, Tatiana Mamonova has moved most vigorously to “join with international feminism.” While *Maria* has been published only in Russian and French, Mamonova’s *Woman and Russia* has been translated into twelve languages, including most of the European languages and Japanese.

(Ruthchild 1983: 7)

В число текстов, опубликованных в начале 1980 годов в переводах на самые разные языки (французский, английский, норвежский, шведский, датский, немецкий, голландский, японский, греческий³), входили и материалы из редакционного портфеля альманаха *Женщина и Россия*, которых не было в первом номере, — в том числе очерки Тьян Заочной, объединенные темой Камчатки, ительменского происхождения и семейной истории, под псевдонимом Z. Sinanevt: «Témoignage d'une Itelmène» («Заметки одной ительменки»; Sinanevt 1980); «Talia» («Таля»; Sinanevt 1982); «Ma grand-mère / Meine Großmutter / My Grandmother» («Моя бабушка»; Sinanevt 1981; 1983; 1984)⁴.

Где находятся оригинальные тексты, автор не помнила, считала их давно утраченными. Тем большей радостью стали для нас две архивные находки: благодаря исследователю альманаха *Женщина и Россия* Дмитрию Козлову и архивисту Алексею Макарову, в фондах НИПЦ «Мемориал» были найдены машинописные тексты, подписанные псевдонимом З. Синаневт — «Заметки одной ительменки» и «Моя бабушка». Сердечная благодарность коллегам, а также Ирине Флиге за содействие в нашем поиске.

Статья подготовлена по итогам сообщения «Итэнмэн' — „тот, кто существует“. Ительменка, диссидентка, общественница Тьян Заочная: траектории жизни», сделанного А. Шибаровой на XXII Биографических чтениях «Право на имя: биографика XX–XXI веков». Большое спасибо организаторам конференции за возможность выступить с этим докладом. Благодарим Тьян Заочную за готовность восстановить в памяти события и факты из ее прошлого, а также Татьяну (Тат) Мамонову и исследовательницу ленинградского женского движения Анну Сидорович за помощь в ходе исследования. Приносим огромную благодарность антропологу и североведу Борису Петровичу Шишло, который взял на себя труд прочесть материал в черновой редакции и поделился с нами рядом чрезвычайно ценных соображений. Разумеется, ответственность за все ошибки и недочеты лежит на публикаторе.

3 Библиография альманахов на странице Т. Мамоновой нуждается в уточнении: https://en.wikipedia.org/wiki/Tatiana_Mamonova (24.03.2025).

4 Два текста Т. Заочной, связанные с ее диссидентской и самиздатской деятельностью в Москве в конце 1970-х, см.: Шибарова 2025.

Тексты Т. Заочной читатель найдет после вступительной статьи. «Заметки одной ительменки» и «Моя бабушка» воспроизводятся в оригинальном варианте, очерк «Таля» — в обратном переводе с французского, авторизованном Т. Заочной при подготовке настоящей публикации.

«Я коренная камчадалка, точнее ительменка, наша народность насчитывает около 1000 человек», — так начинается текст «Заметки одной ительменки», подписанный псевдонимом З. Синаневт. Автор выступает перед читателем в роли безымянной представительницы малочисленного автохтонного народа Камчатки. Фамилия «Заочная» содержится в инициале, Синаневт — имя дочери ворона Кутха, главного персонажа ительменских сказок. Что стоит за этнонимами *камчадалы* и *ительмены*?

Наряду с коряками, чукчами и эвенками *ительмены* — коренные жители Камчатского полуострова. Слово восходит к самоназванию *итэнмэн*, *ительмень* (в переводе с ительменского языка — «местный житель»). Понятие *камчадал* ввели в качестве экзоэтнонима казаки и служилые люди, пришедшие на Камчатку. «Когда в XVIII веке русские пришли на Камчатку, они встретили оседлое население, жившее по рекам и занимавшееся в основном рыболовством; этих туземцев русские называли „камчадалами“» (Вахтин/Головко/Швайтцер 2004: 105). Ранние исследователи Камчатки С. П. Крашенинников и Г. В. Стеллер «использовали термины *камчадалы* и *ительмены* чаще всего как синонимы. Последующие русскоязычные авторы XVIII–XIX вв. при описании жизни и быта оседлых жителей Камчатки использовали один термин — „камчадалы“» (Мурашко 2010: 202).

К началу XX века самоназвание *ительмен* вытеснилось, потомки туземцев уже сами называли себя *камчадалами*, «объясняя это тем, что „так начальство называет, ну, оттого и мы себя так называем“» (Тюшов 1906: 460)⁵.

5 Далее автор, работавший на Камчатке врачом в 1890-е годы, уточняет: «Только в одном [...] селении мне удалось услышать слово „итэнмэн“ как соответствующее коренному (истинному) названию камчадалов» (Там же: 460).

В 1920-е годы термин *ительмен* как название народа вернулся в этноимику России. По результатам Приполярной переписи (1926–1927) потомки оседлого аборигенного населения были разделены на две группы: «Для одной было восстановлено прежнее название *ительмены*, вторая получила (и приняла) русское название *камчадалы*» (Вахтин/Головко/Швайтцер 2004: 106)⁶. Разделение произошло главным образом по территориальному и языковому признакам — под старым этнонимом *ительмены* были зарегистрированы лишь жители девяти селений на северо-западе, сохранившие родной язык и некоторые архаические черты быта. Эту небольшую группу⁷ отнесли «к числу мелких туземных народностей»⁸ северных окраин, на которых должны распространяться льготы, предоставляемые мелким туземным народностям севера» (Из постановления камчатского Окргбюро ВКП(б) 1927, цит. по: Мурашко 2010: 202). Остальные камчадалы были признаны обруселыми и не получили особого статуса. В Переписи 1939 года этноним *камчадалы* уже отсутствовал — бывших камчадалов стали записывать русскими⁹.

6 Из обширной литературы см.: Батьянова/Тураев 2010; Вахтин 2001; Володин 1995; Крашенинников 1949; Мурашко 1996; Орлова 1999; Старкова 1976.

7 Пользуясь материалами переписей 1926 года и 1926–1927 годов, исследователи называют разное число ительменов: от 769 человек до 831 человека (Володин и др. 2010: 141).

8 К понятию «народность» см., напр.: «Бывшие имперские этнографы [...] также работали стандартизированный словарь национальных терминов, используя особые слова („народность“, „национальность“, „нация“ для обозначения этнических групп на разных стадиях развития)» (Хирш 2022: 28); «После того как была разработана советская теория этнической эволюции, этот термин стал обозначать сообщество, расположенное выше племени (первобытно-коммунистическая общность), но ниже нации (общность, формирующаяся в условиях капитализма). В 1920–1930-е годы он использовался непоследовательно, в разговорном значении». (Слезкин 2020: 209).

9 Решение присвоить камчадалам статус коренного малочисленного народа было принято местными властями Камчатки в 1991 году: «В годы возрождения надежд на признание в России прав человека, и в том числе права на свободу этнической идентификации, на Камчатке произошло неординарное политическое событие. В 1991 году сессия Камчатского областного Совета приняла решение „признать наличие в Камчатской области этнической группы камчадалы и распространить на них все льготы, предоставляемые Законом СССР и РСФСР малочисленным народам Севера“» (Мурашко 1996: 358). В 2000 году этноним камчадалы был включен в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ. См. «Постановление Правительства Российской Федерации 24.03.2000 года № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации».

В такой старожильской¹⁰ семье камчадалов, записанных русскими, родилась в 1950 году в селе Пушино Татьяна Карповна Заочная. В метрической книге Мильковской церкви указан ее прадед — «умерший 1888 года декабря 23 дня камчадал Ганальского селения Спиридон Пермяков»¹¹. Пушино находится в центральной части Камчатки, очень далеко от мест компактного проживания ительменов. Семья была русскоязычной — бабушка, по воспоминаниям Заочной, владела ительменским языком, мать уже совсем нет.

Родные, о которых идет речь в публикуемых очерках, — это бабушка Мария Спиридоновна Пермякова (1889–1962), мать Наталья Александровна Заочная, в замужестве Абакумова (1929–2003), и отчим Григорий Петрович Абакумов (1912–1968).

Заочная вспоминает, что бабушка и мать были записаны русскими, но в быту называли себя *камчадалками*. Сходная ситуация зафиксирована в отчете об антропологических исследованиях, проведенных на Камчатке в 1947 году:

Официально все русскоязычное население Камчатки считается русским. Однако в живой речи еще сохранился как пережиток термин «камчадалы». Он применяется не только к обрусевшим и забывшим свой язык жителям бывших ительменских селений, но и к старожилам из русского населения.

(Дебеч 1951: 8)

В излюбленной семейной шутке «Я русский камчадал!», которую часто вспоминает Заочная, видимо, обыгрывалось смешанное происхождение, осознаваемое родными. Определяющую роль в самоидентификации старших поколений играла территориальная и лингвистическая общность:

¹⁰ О понятии старожилов см.: Вахтин/Головко/Швайццер 2004.

¹¹ ГАКК. Ф. 220. Оп. 1. Д. 13. Л. 66. См. также архивную выписку документа о венчании бабушки: «12.11.1910 в Мильковской церкви венчался крестьянин Авачинского селения Александр Александр Заочный и дочь камчадала Ганальского селения девица Мария Спиридон Пермякова» (Там же; номер дела и лист не указан).

Паспорт с записью о национальности не имел для них значения. Важнее было, к кому они себя относили, кто с какой деревни был, какой говор у них был... В детстве я удивлялась, как они отличали принадлежность уже детей к той или иной местности.

(Из письма Т. Заочной)

Текст «Заметки одной ительменки» начинается с рассказа о переездах, которые пришлось на детские годы автора. В 1952 году мать переехала с двухлетней Татьяной и ее старшим братом к новому мужу Григорию Петровичу Абакумову в поселок Ганалы. Здесь говорили «на ительменском наречии». Наречием местные жители называли ительменский язык, это определение встречается и в письменных источниках¹²:

С. П. Крашенинников [...] выделял в языке ительменов три «наречия» — восточное, южное и западное (мы характеризуем их как три близкородственных языка). [...] В XX в. сохранялся ительменский язык на западном побережье, но он уже не воспроизводился, т.е. не передавался родителями детям. В настоящее время в живых осталось несколько десятков человек (в основном женщин), для которых ительменский язык родной. Все это заставляет сегодня оценить ительменский как *endangered language*.

(Володин/Оно 2021: 11)¹³

По семейной легенде, когда мать Заочной впервые услышала ительменскую речь, она испугалась. «Когда она вышла за Григория Петровича замуж, она его спросила, когда в первый раз услышала: „Гриша, вы что, колдуете?“ А он говорит: „Да нет, это мы по-своему, по-камчадалски

¹² Благодарим Б. П. Шишло за это уточнение.

¹³ О статусе витальности ительменского языка в наши дни (по оценке Института языкознания РАН — *nearly extinct*), см.: Малые языки России. Проект Института языкознания РАН <https://minlang.iling-ran.ru/lang/itmenskiy-yazyk> (23.03.2025). См. также: Казакевич О. А.: Ительменский язык сегодня: последняя носительница и новые говорящие. Доклад на конференции Института лингвистических исследований РАН «Языки от Сибири до Аляски: К 70-летию Евгения Васильевича Головки». 26–27.01.2024. Часть 3. <https://www.youtube.com/watch?v=iiPgCW2Thow> (13.06.2025).

разговариваем“», — рассказывает Заочная. Абакумовы были смешанного происхождения (среди предков — айны, русские, ительмены), но ительменский язык в их семье сохранился.

Через три года, в 1955 году, семье пришлось переехать из поселка Ганалы в Малки, а еще через два года — вернуться в русскоязычное Пушино. Вынужденные переселения объясняются политикой укрупнения населенных пунктов, которую проводили на Севере, в том числе на Камчатке в 1950–1960 годы. Это еще более ускорило процесс ассимиляции оседлых ительменов, быстрыми темпами развивавшийся уже в XIX веке.

Жизнь в сравнительно крупных населенных пунктах, с преобладающим русским (или говорящим по-русски) населением, естественно, не способствует сохранению языка аборигенов в той мере, в какой это было возможно, когда они жили в небольших (20–30 дворов) изолированных поселках, где русских было абсолютное меньшинство.

(Володин 1976: 9)

После двух вынужденных переездов отчим Григорий Петрович Абакумов перешел на *лингва франка*, русский язык:

[...] родственники разъехались по другим деревням. И эта естественная среда, где можно было слышать ительменскую или, как они говорили, камчадалскую речь, исчезла. И когда мы потом вернулись в деревню Пушино, отцу не с кем было разговаривать на ительменском. Он замолчал.

(Из устного интервью Т. Заочной)

Так младшее поколение лишилось шанса хотя бы в какой-то мере унаследовать ительменский — в эти годы бесписьменный язык мог передаваться только внутри семьи. «Мой отчим, когда мы уехали из Малок, уже никогда не говорил на своем языке и не учил нас», — пишет З. Синаневт. Итак, рассказ о переездах и семейной языковой ситуации нужен автору для ответа на вопрос, почему она, «коренная камчадалка, точнее ительменка», не знает язык своих предков. На заданный эксплицитно, вопрос об утрате языка составляет смысловой стержень «Заметок одной ительменки».

За рассказом о семейной истории следует хронологический скачок: минуя обстоятельства отъезда с Камчатки, З. Синаневт переходит к московским делам середины 1970-х. Восстановим последовательность событий, оставшихся за пределами текста.

Важной ступенью в процессе социализации была учеба в интернате в поселке Мильково, где Заочная оказалась достаточно поздно, лишь в одиннадцать лет. О своем этническом самосознании в это время она вспоминает:

До одиннадцати лет я была местной, камчадалкой, с одиннадцати началась интернатская жизнь в деревне, намного большей чем Пушино, намного разнообразней относительно национальностей. Мы воспитывались в духе единого народа, я была в паспорте русской... Да и никоим образом это не заботило, какой ты национальности.

(Из письма Т. Заочной)

Окончив в шестнадцать лет школу, Заочная работает на метеостанции в Пушино. Вокруг начинают появляться «ученые люди». Заочная до сих пор с благодарностью вспоминает лесовода В. А. Шамшина, во время рассказов которого она уносилась фантазией «в другие миры». Из воображаемых путешествий, из желания противопоставить тяжелому «неромантичному» быту нечто более привлекательное родилось имя Тьян, которое вскоре вытеснит данное при рождении имя Татьяна, а много лет спустя начнет наполняться неясно очерченными ительменскими смыслами (надо сказать, что ительмены по большей части уже в XIX веке носили русские имена):

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, то мне постепенно как-то захотелось экзотического имени. И я долго думала с моим другом, как Татьяну переделать на другой лад, и мы пришли с ним к выводу — из Татьяны сделаем Тьян! Это было скорее юношеское. Быт ведь был совсем неромантичным: долгие приготовления пищи, уборка маленького домика на большую семью, стирка и т. д. Позднее (уже в 1990-е) я просила разрешения у носителей ительменского языка, можно ли дать ему значение маленький вулканчик (Тьяночх).

(Из письма Т. Заочной)

Летом 1971 года, приехав в Петропавловск сдавать экзамены, Заочная знакомится с человеком, который сыграет поворотную роль в ее жизни. На Камчатку приезжает ленинградская художница и поэтесса Татьяна Мамонова, человек большой энергии и больших планов. Она была старше Тьян на семь лет. В сохранившемся в семейном собрании Заочной документальном рассказе о событиях 1971–1972 годов Арсений Мамонов, брат Т. Мамоновой, писал: «Камчатка стала настойчиво фигурировать в разговорах с приходом весны 71 года. [...] Редакция „Авроры“¹⁴ помогала сестре оформить пропуск в Петропавловск-Камчатский. И в путь!» (Арс 1972: 13)¹⁵.

Рассказ воспроизводит события 1971 года — поездку Т. Мамоновой на Камчатку, знакомство с ительменкой Тьян, пребывание обеих в Пушино, затем их путешествие по стране и, наконец, ответный визит Тьян в Ленинград зимой 1971 года. В тексте много цитат из писем Татьяны Мамоновой, которые та писала родным в Ленинград:

Тихое село, окруженное горами. Большая семья Тьян. Приветливость и простота. В село значительно проникла цивилизация, снабжение хорошее, народ культурен. Нет того, свойственного деревне, навязчивого любопытства по отношению ко вновь прибывшему человеку. Отоспавшись, наутро Тын ведет сестру на опытную станцию в лес, рас-

14 По воспоминаниям Т. Мамоновой, содействие оказала Лидия Благая, руководившая в 1969–1974 гг. отделом поэзии журнала «Аврора». Во вступлении ко второму выпуску альманаха Женщина и Россия (вышел в Париже под заголовком *Россиянка*) Мамонова писала о начале работы в журнале: «И вот я снова поселилась в Ленинграде и нашла работу в отделе поэзии в „Авроре“, новом молодежном журнале. Все считали, что мне невероятно повезло: без высшего образования я нашла себе драгоценную работу. Но как я бросила институт фармакологии, поняв, что историю КПСС там изучают больше, чем свойства лекарственных трав, так же я бросила и „Аврору“, поняв, что у моих стихов мало шансов на публикацию, несмотря на многочисленные обещания. К тому же пересказы и переводы, которые я там выполняла, не давали мне удовлетворения, тем более, что для того, чтобы оставаться в этом прекрасном „прибежище“, необходима была моральная гибкость, а это мне всегда претило. Следует однако признать, что не все было так уж беспросветно в этой мрачной картине: на семинаре молодых писателей Василий Бетаки, который входил в состав жюри, с жаром защищал мои стихи, а Татьяна Гнедич — мои переводы из Превера; Ефим Эткинд приглашал меня принять участие в совместных чтениях. Я могла бы назвать и других, но опасаясь за их безопасность». (Мамонова 1980: 12).

15 Отрывки публикуются с согласия сына автора, Арсения Евгеньевича Мамонова.

сказывает о своей работе метеоролога. В 18 километров от села есть так называемые горячие ключи — явление для Камчатки весьма характерное, через два дня они пешком отправляются туда. Татьяна пишет в Ленинград счастливые письма.

(Там же: 16)¹⁶

Затем подруги совершают большое путешествие по маршруту: Петропавловск-Камчатский – Владивосток – Чита – Улан-Удэ – Усть-Баргузин – Иркутск – Алма-Ата – Иссык-Куль – Фрунзе – Ташкент. Этот первый опыт путешествия произвел в этническом самосознании Тьян Заочной существенный сдвиг. По ее воспоминаниям, прохожие на улицах периодически обращались к ней на национальных языках, и когда она отзывалась на русском, в ответ слышалось: «Какая же ты русская — у тебя глаза черные!» О том, что к концу путешествия национальность уже не являлась для Заочной несущественным фактом, свидетельствует следующий эпизод. В Ташкенте у путешественниц украли деньги и документы. Подавая заявление о выдаче нового паспорта, Заочная настояла на том, чтобы в нем было записано «ительменка»:

Вернувшись из отпуска, я пошла в паспортный стол в районный центр Мильково и сразу же милиционеру заявила, что хочу, чтобы в графе национальность в паспорте было записано «ительменка». Конечно, мне сразу же было заявлено, какая же я ительменка, если не знаю ительменского языка. Не помню ни аргументов, ни продолжительности разговора, но сказала, что с другой записью паспорт не возьму.

(Из письма Т. Заочной)

В пассажах брата Мамоновой, посвященных пребыванию Тьян зимой 1971 года в Ленинграде, мы видим «нашу добрую Тьян», «малышку Тьян», «напуганного большим городом человека-ребенка» глазами автора, влюбленного в камчатскую гостью, а заодно в далекий мир

16 Ср.: «В Карпатах, в Средней Азии или на Камчатке, везде я встречала одну и ту же безликую толпу, а над ней — те же лозунги. Везде тот же алкоголизм. Везде одинаковое бесстыдство и унижения в отношении женщин. Красоты природы не могли заслонить такую мерзкую картину» (Мамонова 1980: 11). О знакомстве с Тьян и поездке в ее родное село Мамонова вспоминала много лет спустя в рассказе «Тьян» (Mamonova 2001: 49–51).

крайнего Севера. Этот недостижимый мир воплощает все то, чего нет в тоскливом Ленинграде, где «в так называемом „Сайгоне“ [...] собирается скучающая молодежь, там есть возможность выпить и поплакаться» (Арс 1972: 8). В заключительных строках Евгений Мамонов раздумывает о невозможности «коснуться мечты», добраться до Камчатки, увидеть заветную землю своими глазами. Неотделимой частью романтического образа Камчатки становится народность ительменов, живущих где-то на совсем далеком Севере в некоем первозданном состоянии. Слова «Камчатка», «земля», «мечта» и «Тьян» в этом лирическом финале почти синонимы:

Татьяна [Мамонова] твердо решила вернуться на Камчатку, съездить дальше, на ее Север, к оленям и собачьим упряжкам. И к ительменам, еще не обрусевшим, это народность всегда селившаяся на суше, есть ее вкрапления и на Чукотке, и в Сибири. Камчатка. Что ждет меня там? И будет ли ждать Тьян? Но, коснувшись этой мечты, я уже не смогу работать в театре, я уже не смогу не повидать этой земли. И всякий, узнавший о ней, не сможет уже продолжать свое размеренное существование...

(Там же: 20).

Благодаря встрече с Татьяной Мамоновой, первому опыту отъезда из родных мест, общению в Ленинграде с людьми из круга Мамоновых, среди которых было много художников, Заочная смогла взглянуть на свое происхождение новыми глазами. То, что дома представлялось непрестижным, отсталым, незначимым, на расстоянии обрело ценность и смысл. В Ленинграде прочно вошло в обиход и новое имя — теперь все называли ее исключительно Тьян.

Встреча имела долгосрочные последствия не только для Заочной, но и для Мамоновой. В лице камчатской подруги ленинградка приобрела потенциального автора для будущего альманаха: замысел женского журнала существует в ее голове с конца 1960-х и в скором времени начнет конкретизироваться.

Следующий эпизод в «Заметках одной ительменки» — это поездка в 1975 году с мужем, «московским полиглотом» Евгением Николаевым, на Камчатку. Как пишет З. Синаневт, они отправились «на

поиски языка». Евгений Борисович Николаев — зоолог, увлекавшийся изучением редких языков, убежденный инакомыслящий. В 1970 году, работая младшим научным сотрудником во Всесоюзном научно-исследовательском институте дезинфекции и стерилизации (ВНИИДиС), отказался участвовать в ленинских чтениях и субботнике, за что был уволен из института и госпитализирован в московскую психиатрическую больницу №15¹⁷. Николаев активно перепечатывал «Хронику текущих событий» и прочий самиздат, имел отношение к созданию Рабочей комиссии по использованию психиатрии в политических целях (РК 1978: 72–74; 81–86) и возникновению Свободного профсоюза (Николаев 1979: 28–31). Заочная помогала мужу — печатала «Хронику», ходила к Николаеву на свидания в психиатрические больницы:

Большим плюсом было то, что я не работала где-то на фабрике, заводе... А перепечатывали мы самым разным людям, которые не знали того, что подобное мы делали для других... Когда Евгений был в бегах или психушке, мне приходилось „отделяться“, за двоих... Приносились часто написанные от руки листы из тетрадей, или тетрадь... Темы были разные: кого-то арестовали, над кем-то издевались в армии и т. п. Я многое не помню, так как принимала близко к сердцу. У меня в интенсивные 1977–1978 случилось что-то, что я бы назвала сотрясение нервов. (Из письма Т. Заочной)

В мемуарах Николаева *Предавшие Гиппократа* упоминания жены подчас сопровождаются указанием на ее национальность: «Во второй половине марта 1973 года в Москве проездом несколько дней находилась Тьян Заочная, ительменка, представительница коренного населения Камчатки, с которой меня познакомили мои друзья» (Николаев 1984: 92).

В комической сцене обыска (состоялся на квартире Заочной и Николаева 15 января 1980 года) автор, воспроизводя диалог со старшим

17 Сообщение о первой госпитализации Николаева находим в разделе «Внесудебные преследования» «Хроники» от 31 октября 1970 г. (ХТС XVI 1970: 18). При ссылках на ХТС здесь и далее римскими цифрами указывается номер выпуска, арабскими — страница. При первом упоминании имени Е. Б. Николаева в ХТС допущены опечатки: неверно указан номер психиатрической больницы (16) и отчество (Николаевич).

лейтетантом Зотовым и участковым Смыком, заставляет Тьян играть роль аборигенки, которая с трудом изъясняется по-русски.

З о т о в : А может, вы сами «Хронику» эту готовили? А?

Н и к о л а е в : Откуда мне? Я ж не умею.

С м ы к : Жена, небось, печатала, пока мужа дома не было.

Н и к о л а е в : Что вы ерунду городите? Моя жена по-русски не разговаривает.

Пауза.

М о н а х о в (к Тьян): Вы — действительно не знаете русского языка?

Т ь я н (с сильным ительменским акцентом, который сейчас можно услышать только у ительменов старшего поколения): Да уцылас нимно-ска-та.

(Там же: 301)

Все шесть лет жизни в Москве (1974–1980) Заочную и Николаева объединял интерес к ительменскому языку, который Тьян к тому времени, видимо, уже воспринимала как утраченный *heritage language*. В 1975 году они готовятся к поездке на Камчатку: «Тьян мечтала собрать материалы по ительменскому языку, и я ей в этом хотел помочь. Перед отъездом мы просмотрели с ней довольно много литературы, посвященной ительменам и Камчатке» (Там же: 112).

В 1975 году супруги пытаются попасть в ительменские села на западном побережье, но это оказывается непросто. Много лет спустя Заочная напишет об этих событиях в заметке «О том, как я занималась ительменским»:

В мае 1975 г. мы прилетели в Палану к Валерию Дмитриевичу Запороцкому. Едва он успел начитать на магнитофонную ленту учебник ительменского языка, «Ntanselqzaalkicen! Будем учиться, ительменская учебная книга», изданный в 1932 г. [Орлова: 1932], как нас на 3 или 5 день задержали сотрудники паланской госбезопасности. Они вынудили нас покинуть столицу Корякии с первым самолетом. В аэропорту при покупке билета нас обманула кассирша, сказав, что самолет летит напрямую до Петропавловска. Но когда самолет приземлился в Усть-Хайрюзово, нам удалось тайно сбежать в Ковран. (Примерно 20

километров пешком по морскому берегу, я была уже на восьмом месяце беременности).

(Заочная 1998: 31)

В ительменском селе Ковран цель поездки была достигнута — супругам удастся услышать живую ительменскую речь:

Мы поселились у Марии Васильевны, мамы Валерия и Григория Запороцких. Какое счастье — по вечерам, когда за печкой скреблась мышка, мы слышали также шепот на ительменском! Но к нашему несчастью, у нас не было магнитофона с собой.

(Там же)

В лаконичных «Заметках одной ительменки» эти живые подробности не сообщаются, зато мы читаем о другом обстоятельстве, чрезвычайно важном с точки зрения логики построения рассказа З. Синаневт. Ительмены рассказывают супругам «о депортации таких поселков, как Морошечное, Белоголовое... Люди были оторваны от своих родных мест, от привычного языкового окружения». Сообщая об этом, З. Синаневт дает понять читателю, что люди, которым советская власть присвоила официальный статус ительменов, переживали ту же драму насильственных переселений и утраты корней (в тексте — «депортаций»), что и люди, этого этнического статуса лишенные. Таким образом, *ительменов* и *русских камчадалов* объединяет общий исторический опыт, переживаемый как трагедия потери языка и культуры.

Во время пребывания на Камчатке летом 1975 года у Заочной и Николаева родился сын. Родители решают дать мальчику ительменское имя, однако заведующая ЗАГСа Милюковского района отказывается выполнить желание родителей:

Н и к о л а е в : Мы напишем жалобу в Совет Национальностей.

С у р т а е в а : А вы лучше Брежневу напишите! Людям больше делать нечего, как только вашему сыну ительменское имя давать и удовлетворять ваши прихоти.

Н и к о л а е в : То, что вы делаете, это расовая и национальная дискриминация коренного населения Камчатки, ительменов; мы расизма не

потерпим и, когда я вернусь в Москву, то постараюсь сделать так, чтобы об этом факте расовой дискриминации нашего сына стало известно за рубежом.

(Николаев 1984: 116)

Позднее, по приезду в Москву, родители «не встретили [...] никаких затруднений» (Там же: 118) и зарегистрировали сына под именем Эмемкут. В контексте структурообразующей темы «поисков языка» эпизод с именем представляется весьма значимым. Не имея возможности передать сыну ительменский язык, мать дает ему ительменское имя, а женское имя берет себе в качестве псевдонима. Эмемкут и Синаневт — это брат и сестра, дети ворона Кутха, прародителя ительменов. Тем самым имена снимают семейную иерархию: мать и сын оказываются детьми одной культуры.

В 1977 году Заочная и Николаев вновь попытались добраться до западного побережья с целью лингвистической экспедиции. Несмотря на тяжелое материальное положение, они приобрели для этой поездки магнитофон. Однако в этот раз им не удалось попасть в Ковран: Николаева, поехавшего первым, сняли с парохода и заставили вернуться в Пушино. Пришлось ограничиться походом по долине реки Камчатки, где «ментовско-пограничный контроль был не таким строгим. К тому же всем этим ительменам Тьян приходилась то сестрой, то племянницей, то внучкой» (Там же: 129). Об этой экспедиции Заочная вспоминает: «Я помню, в Мильково ездили. Придешь, и вот сидишь, чай пьешь, разговариваешь, и люди вспоминают какие-то слова <ительменские>, которыми они когда-то в молодости с родителями обменивались».

По возвращении в Москву супруги продолжили знакомство с ительменским языком. В Библиотеке иностранной литературы они написали словарь, основанный на записях, которые делал во время своей службы на Камчатке в 1878–1883 годы медик и естествоиспытатель Бенедикт Дыбовский (1833–1930). Собранные материалы, включившие три диалекта ительменского языка, были опубликованы в Кракове в 1890-е годы Игнацием Радлинским.

Словари, как правило, на дом не выдают. И мы решили проблему следующим образом: с утра кто-то из нас ехал в библиотеку и переписывал

сывал словарь от руки. В обед второй из нас подъезжал с годовалым Эмемкутом к библиотеке. У входа мы обменивались ребенком. Так в две смены мы переписали все три диалекта ительменского. По причине нашей деятельности в Самиздате мы не могли заниматься интенсивной обработкой словаря. Это было скорее нашим увлечением, отдышкой. Ведь Камчатка все больше и больше «закрывалась» для нас.

(Заочная 1998: 31)

В финальной части 3. Синаневт объясняет, почему, несмотря на любовь к родным местам, к камчатской природе, она предпочла жить в Москве. Ее мотивы ясны: советский человек одинаково бесправен везде, но в Москве жизнь все-таки легче, чем на Камчатке, где изнурительный физический труд, скудость культурной жизни, алкоголизм... Перечисляя социальные проблемы, автор затрагивает и важнейшую для Севера тему рыболовного промысла и охоты — пресловутых льгот, которые местное население получает (либо не получает) в зависимости от этнического статуса. Это дает повод для манипуляций: «местных записывают русскими для того, чтобы они не могли ловить красную рыбу в реках, охотиться». Фраза «Я коренная камчадалка, точнее ительменка» приобретает на этом фоне еще один важный смысл.

В целом можно сказать, что, называя себя ительменкой, 3. Синаневт выражает протест против официальной этнической номенклатуры, начальственно-произвольной и манипулятивной, заявляет о своем праве на свободу этнического самоопределения. Первая фраза отчетливо перформативна: чтобы стать ительменкой, необходимо было назвать себя ительменкой. Этой задаче подчинен весь текст «Заметок», написанных как обличительный документ, в котором автор манифестирует свою принадлежность к угнетаемому коренному народу. То, что текст писался для публикации в подпольном феминистском издании, повышало символический статус речевого жеста «Я ительменка» — за право назвать себя ительменкой автор готова была рисковать своей безопасностью. Уточнение «камадалка, точнее ительменка» во вступительной фразе является знаковым: экзоэтноним заменяется таким образом самоназванием этноса.

В двух других очерках, также написанных по предложению Мамоновой, 3. Синаневт рассказывает о бабушке и матери. В характерах и

судьбах Марии Спиридоновны Пермяковой и Натальи Александровны Заочной-Абакумовой автор пытается разглядеть родовые черты, проследить свою генеалогию. Нельзя не заметить перемену тона: лирическая интонация текстов о бабушке и матери (ясно различимая даже сквозь двойной перевод в очерке «Таля») имеет мало общего с диссидентским боевым пафосом «Заметок одной ительменки». Оба очерка не лишены социальной критики (в тексте о бабушке упоминается запрет рыбной ловли; в тексте о матери есть тема гендерного неравенства и трагически актуальная для Севера тема алкоголизма), но основное настроение все же не укладывается в обличительный жанр. Рассказ о бабушке отражает тесную связь поколений, устойчивость традиционного быта, а вдохновенные пейзажные зарисовки в очерке о матери передают чувство счастья, которое, несмотря на все обиды и несправедливости, охватывает героиню при созерцании уникальной камчатской природы.

В обоих очерках автор показывает сильных женщин, которые выходят победительницами из схватки с жизнью. Однако в портрете матери ощущается большая сложность, в зарисовке отношений между матерью и дочерью есть недосказанность. Образ бабушки получился более монолитным — вероятно, это объясняется как характером М. С. Пермяковой, так и тем обстоятельством, что на момент написания очерков ее давно не было в живых. В воспоминаниях Заочной Мария Спиридоновна предстает матриархом, ответственным за передачу традиционного образа жизни, и одновременно — любопытным человеком, открытым всему новому:

Когда в деревне появились первые трактора, бабушка вместе с сыновьями «покоряла камчатскую целину», выучив пару букв русского алфавита, она тыкала пальцем на букву и говорила произношение, ее забавляло слово конституция — выговаривала «натыкуция»...

(Из письма Т. Заочной)

Согласно указанию камчатского краеведа, у Марии Спиридоновны было тринадцать детей, из которых Наталья Александровна была самой младшей (Вахрин 2016: 108–113). Однако, по свидетельству Заочной, бабушка не могла указать точно, сколько у нее было детей, потому что не умела

считать. Подсчетами занялись внуки, когда многие дети М. С. Пермяковой уже умерли, и это оказалось непростым делом. Как гласит семейная легенда, отец деда, Александра Заочного, долго не давал сыну разрешения жениться на «инородке», так что дети, прижитые до брака, отдавались на воспитание в другие семьи и носили другие фамилии.

С разрешения Заочной приводим отрывок из ее письма 2018 года, посвященного «родоначальнице», «любимой бабушке» М. С. Пермяковой. Письмо адресовано младшим родственникам:

Мы — внуки Марии Спиридоновны — считаем, что бабушка дала нам пример самостоятельности, уверенности в себе.

Хотя осознанно мы помним ее только начиная с 1950-х по 1962 год. В это время она была уже вдовой и принадлежала только нам. Она попеременно навещала детей и внуков между Шаромами и Малками, добираясь то пешком, то на собачьих упряжках. Лишь после переезда семьи Натальи Александровны в Пуцино расстояние сократилось, и бабушке преодолеть 30 километров было намного легче, а потому и гостила она у нас дольше. Она часто одна ходила в лес, и, по рассказам, можно было видеть, как на одной тундрочке медведь и бабушка, не обращая внимания друг на друга, собирали ягоды. И если мы иногда в лесу встречаем березу, на которой давным давно содрана кора, то каждый раз спрашиваем себя: не бабушкина ли это работа. Ведь бывало и такое, что она уходила в лес только с небольшим ножом в голенище торбаза. Но как собирательница придти домой без «подарка от зайчика» не могла.

Бабушка была не прочь повеселиться. Когда в наших краях кочевали эвены (их тогда называли ламутами), она могла пуститься вместе с ними танцевать норгали. Она любила и выпить, припевая при этом «сто грамм нам положено».

Рассказывают, что умерла бабушка легко. Вечером она сходила в баню. Рано утром встала вместе с невесткой Анной, выпила вместе с ней чаю. Когда та ушла на дойку, бабушка подмела полы в доме и прилегла. И больше уже не проснулась.

Днем мне позвонила мама и сообщила эту новость. В ту ночь я видела бабушку во сне — она попрощалась со мной. (Сон тот я до сих пор помню.)

Умерла она 14 апреля 1962 г.

(Из письма Заочной)

Все три очерка, предназначенные для Т. Мамоновой, были написаны, по-видимому, непосредственно перед отъездом Заочной и Николаева из СССР. 28 января 1980 года (через две недели после обыска) Николаева вызывают в УВД Советского района Москвы и просят «поторопиться со сбором документов для оформления выезда на постоянное жительство в Израиль» (ХТС 1980: LVI, 94). 25 мая 1980 года семья вылетела в Вену. До открытия XXII Летних Олимпийских игр в Москве оставалось чуть меньше двух месяцев. «Приземляемся в Венском аэропорту. Выходим. Совдепия, все эти проклятые психушки, психдиспансеры, весь этот коммунистический ад — позади. Можно вздохнуть впервые спокойно» (Николаев 1984: 312). Заочная не разделяла восторженных настроений мужа, отъезд в эмиграцию она воспринимала как трагедию: «Маму, Камчатку как будто заживо похоронила».

Отъезд из СССР был ради него, потому что в последние 1,5–2 года Николаев, устав как от угрозы посадки, так и от посадок в психбольницы, обдумывал и был готов нелегально покинуть страну (об этом в его мемуарах нет ни слова). Я его уговаривала не делать этого, аргументируя тем, что при негативном исходе ему грозит очень долгое заключение в психбольницах.

(Из письма Т. Заочной)

Супруги обосновались в Мюнхене. Оказавшись на Западе, опытный «жалобщик» Николаев немедленно приступает к активным действиям. 21 августа 1980 года он пишет открытое письмо в Комитет ООН по расовой дискриминации с «просьбой помочь нам вырвать из застенков КГБ наши магнитофонные записи на ительменском языке»¹⁸ (Заочная/Николаев 1980: 3).

Через месяц приходит ответ: Gesellschaft für bedrohte Völker (Общество поддержки уязвимых народов) предлагает Николаеву подготовить для очередного выпуска журнала *Pogrom*, посвященного проблемам этноцида, статью о положении малых народов в известных ему реги-

¹⁸ Среди изъятых при обыске материалов были 22 магнитофонных кассеты (ХТС 1980: LVI, 48).

онах СССР¹⁹. Вскоре в журнале появляются два материала в переводе на немецкий — статья Николаева о карачаевцах и открытое письмо супругов в Комитет ООН с рассказом о положении ительменов (Nikolaev 1981; Nikolajew/Saotschnaja 1981).

Так началось сотрудничество с Обществом поддержки уязвимых народов, с которым Т. Заочная тесно связана до сих пор. Через два года она выступает на ежегодном собрании общества с сообщением об ительменском народе. Из заметки «В защиту малых народов», опубликованной 17.02.1983 в газете *Русская мысль*:

[...] по официальным данным их насчитывается 1400 человек²⁰, из которых только около 400 человек говорит по-ительменски. Фактически численность ительменов намного выше. Власти сознательно занижают их численность и записывают их русскими. [...] ликвидация ительменских сел была вызвана строительством на Камчатке огромного количества военных баз.

(Заочная 1983а)

Материал для *Русской мысли* написан уже не в соавторстве с Николаевым, а самостоятельно. В марте 1983 года Заочной приходит письмо от этнолога, специалиста по культурам народов Сибири Бориса Петровича Шишло. Прочитав заметку в *Русской мысли*, ученый приглашает ительменку Заочную принять участие в междисциплинарном коллоквиуме, посвященном Сибири (в связи с 400-летием ее завоевания Россией). Участие в большой международной конференции «Сибирь 1582–1982 (Париж, 24–27 мая 1983)» открывает для Заочной новые перспективы.

Статья «Правда о моем народе», прозвучавшая в виде доклада на коллоквиуме и опубликованная во французском переводе в сборнике, изданном по итогам конференции (Zaotschnaja 1999: 435–441), свидетельствует о расширении кругозора автора, об интенсивной работе по освоению корпуса литературы, посвященной истории Камчатки и ительменов. Статья начинается с сопоставления двух источников —

19 Письмо на немецком языке от 21 сентября 1980 г. хранится в домашнем собрании Т. Заочной.

20 Данные переписи населения СССР 1979 года.

Очерков по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае (изд. 1935) С. Б. Окуня и книги *Ительмены, материальная культура XVIII – 60-е годы XX века* (изд. 1976), написанной этнографом и первой ительменкой, получившей ученую степень кандидата наук, Н. К. Старковой. Заочная ставит своей целью показать одиозность книги Старковой, приукрашивающей советскую действительность: «Я взяла этих двух авторов, т. к. они писали историю ительменов уже в годы советской власти, с той лишь разницей, что Окунь писал в 20<-х> – начале 30<-х> годов [Окунь 1935], когда еще существовала свободная мысль. Старкова писала уже в 60-х годах» (Заочная 1983б: 1).

Далее, после краткого изложения истории неудачной письменности ительменского языка, предпринятой на основе латинской графики в начале 1930-х, Заочная переходит к рассказу о личной истории. Новый мотив, отсутствовавший в «Заметках одной ительменки»: саморефлексия над ростом «национального самосознания». Если в детстве она не питала интереса к ительменскому языку, «скорее испытывала к нему неприязнь», пишет Заочная, то потом «вдруг поняла, что принадлежность к ительменской национальности не является чем-то ужасным» (Там же: 4). В ней «пробудился интерес к культуре, к языку». Автор с гордостью рассказывает о том, как настояла на смене записи в паспорте, в то время как младшему брату это не удалось: «Паспортистка накричала на него, „прочистила ему мозги“, а т. к. у него не было достаточно сил противостоять, то был записан русским» (Там же).

Еще один новый по сравнению с «Заметками одной ительменки» мотив — это четко сформулированный тезис о юридической неграмотности населения, выгодной государству: «Юридически население неграмотно, а потому не знает, что значит быть русским, а что — ительменом — я имею ввиду официально» (Там же). Отсутствие статуса принадлежности к малочисленному коренному народу означает отсутствие «льгот», то есть особых прав, определяемых законодательством: «И десятки тысяч камчадалов, официально русские, платят налоги, служат в армии, а также подвергаются штрафам, если их застанут на месте вылова рыбы» (Там же). Расширена по сравнению с «Заметками одной ительменки» тема затрудненности для местных жителей осуществлять традиционное природопользование: «в связи с тем, что огромные территории по долинам рек [...] разрабатываются

[...], а также усиливающейся милитаризацией Камчатки (стало много запретных зон) собирание ягод и трав становится с каждым годом делом затруднительным» (Там же: 5). Большое внимание уделяется проблеме алкоголизма, губящего жителей Камчатки при попустительстве властей: «Люди в своей массе полны уныния и пессимизма» (Там же: 6).

Наконец, Заочная рассказывает о совершенных вместе с Николаевым лингвистических экспедициях (1975 и 1977) и проблемах, с которыми они столкнулись: «Свобода передвижения на полуострове ограничивается буквально с каждым годом. Военные на Камчатке имеют гораздо больше власти, чем гражданское население» (Там же: 7). Статья заканчивается статистической справкой, свидетельствующей о неуклонном сокращении количества ительменов с конца XVII века до настоящего времени.

Выступление на парижской конференции 1983 года дало Заочной возможность найти свой голос — горячий, далекий от академической беспристрастности тон хорошо информированного, заинтересованного свидетеля, критика и обвинителя власти: «Я не хочу, чтобы обо мне судили превратно: несколько лет эмиграции, а потому ярая антисоветчица. Но советское государство своей лживостью само толкает на этот путь» (Заочная 1983б: 1). Вспоминая парижский коллоквиум, Тьян резюмирует: «Грандиозный был коллоквиум. Для меня как общественницы это было хорошее начало».

В 1984–1992 годы Заочная работала в редакции издательства *Страна и мир* Кронида Любарского²¹, затем устроилась на должность секретаря в Институт славянской филологии Мюнхенского университета, где много лет занималась, в частности, выпуском *Wiener Slawistischer Almanach*. Свободное время отдавала общественной работе, работе над переводом *Словаря ительменского языка. Из собраний профессора Бенедикта Дыбовского* (Заочная 1998). Некоторое время ей удавалось сочетать фемативизм (участие в группе вокруг мюнхенского журнала

21 «Довольно скоро редакция журнала превратилась в издательство. Сначала под его крышу переехали из нашего дома „Вести из СССР“, и у них появилась постоянная сотрудница — Тьян Заочная, которая взяла на себя всю переписку по бюллетеню, перепечатку английского издания, ведение картотеки со сведениями о политзаключенных и т. п. Составление же номера „Вестей“, его оформление оставалось на Крониде, и он по-прежнему делал „Вести“ дома» (Салова 2001: 134).

Der Feminist) с проблематикой коренных народов. Затем феминистская повестка отошла на задний план. Тема автохтонных народов осталась. Вскоре появляются публикации, в которых Заочная рассказывает уже не только об ительменах, но и о других коренных народах мира (Заочная 1987).

С начала 1990-х Заочная регулярно ездила на Камчатку. Перестройка стала временем больших надежд для коренных народов российского Севера.

Мы знаем, что жители российских городов сначала проявили кратковременную вспышку интереса к коренным народам Сибири. Этот интерес во многом был пробужден настойчивостью небольшой группы московских этнологов и социологов, назвавших её «Тревожный Север», по инициативе которой Александр Пика и Борис Прохоров подготовили статью «Большие проблемы малых народов». Они очень удачно поместили её в журнале Коммунист (оба автора не являлись членами партии), и эта публикация сняла одно из многих табу подцензурной прессы. С 1988 по 1991 год в средствах массовой информации СССР появилось рекордное число статей и сообщений о трагическом положении коренных народов Сибири.

(Шишло 1994: 154–170)

Процесс «возрождения народов Севера» затронул и Камчатку. А. П. Володин, участвовавший в создании ительменской письменности, в разработке алфавита на основе кириллицы²², писал о масштабной работе по возрождению ительменского языка, которая развернулась в 1990-е годы на Камчатке при участии международного научного сообщества:

На западном берегу <Камчатки>, в ительменских поселках работают ученые. К великому нашему стыду, не русские — немцы и американцы: у них есть средства, которых нет у нас. Они ставят преподавание ительменского языка, издают учебную литературу, они оказывают пря-

22 Ительменский алфавит на кириллической основе был разработан и затем утвержден Министерством просвещения РСФСР к середине 1980 годов, вскоре появился букварь (Халоймова 1988; Володин/Халоймова 1993 и др.).

мую гуманитарную помощь жителям. [...] Существенную помощь оказывают и ительмены, живущие ныне в Германии (да, есть и такие!)²³.

(Володин 1995: 119–120)

Нельзя не отметить, что «вспышка интереса» длилась недолго. В одной из своих последних работ этнолог А. Пика, погибший в 1995 году во время научной экспедиции на Чукотке, писал:

Государственная политика тотальной принудительной интеграции/ассимиляции бывшего СССР в отношении малочисленных народов Севера России [...] пришла к печальному завершению. Нынешняя лишь на словах провозгласила отход от старых принципов и не выдвинула никаких новых. [...] Поэтому, скорее всего, процесс так называемого «возрождения народов Севера», их разумная и конструктивная политическая активизация, в настоящее время переживает спад в сравнении с прошедшими годами (1987–1991).

(Пика 1996: 47)

Сходные ноты звучат и в цитировавшейся выше статье О. Мурашко применительно к ительменам:

Экономические неудачи, во многом обусловленные отсутствием правовой базы, регулирующей взаимоотношения коренных народов и местных властей в нашей стране, переживаются лидерами как знамение обреченности своего народа на исчезновение.

(Мурашко 1996: 374)

Тем не менее, продолжает Мурашко, «ительмены считают себя единственными хранителями подлинно камчатской культуры и полагают, что камчадалы других регионов должны этнически идентифицироваться с ительменами, т. е. принять этноним „ительмены“» (Там же: 375).

23 Под живущими в Германии ительменами автор имел в виду Тьян Заочную и художника Сергея Лонгинова, который иллюстрировал одно из первых пособий по ительменскому языку. (Дюжр и др. 1997).

На волне этих настроений приняла решение записаться ительменкой и Наталья Александровна Заочная-Абакумова. В 1999 году она обратилась в Мильковский районный суд Камчатской области с заявлением «об установлении фактов, имеющих юридическое значение», в том числе — факта ее ительменской национальности. Суд постановил: «Установить национальность Абакумовой Натальи Александровны — ительменка»²⁴. Так мать повторила то, что сделала более четверти века назад ее дочь Тьян (Татьяна) Заочная.

В 1990–2000-е Заочной довелось быть участницей многих гуманитарных начинаний, направленных на сохранение ительменского языка и культуры, традиционного природопользования. Последнее событие, которое она смогла посетить на Камчатке — это встреча носителей ительменского языка «Хранители родовых очагов». Международный семинар проходил в июне 2012 года на турбазе в Малках, том самом бывшем селе, где в 1950 годы недолгое время жила семья Заочных-Абакумовых (Кинас 2012)²⁵. Вскоре после этого Заочная перестала бывать на родине.

Мои контакты прервались в 2014 году. Когда я туда приехала, мне показалось очень странным, что некоторые из моих друзей, знакомых, с которыми мы вместе долгие годы работали по нескольким проектам, не только по языку ительменскому, они как-то себя вели странно... Как будто меня не знают. Или издалека меня приветствовали. И только перед отъездом мне сказали два человека, что их вызывают в ФСБ и расспрашивают, о чем мы разговаривали. И я поняла, что я не хочу подвергать людей опасности. Потому что я-то уезжаю в Германию. А они там. Ну и потом эта связь прервалась в феврале 2022 года.
(Из устного интервью с Т. Заочной)

Тридцатилетнее сотрудничество связывает Тьян Заочную с немецким антропологом Эрихом Кастеном, создателем Фонда культуры народов

24 Решение Мильковского районного суда от 04.06.99 хранится в домашнем собрании Тьян Заочной.

25 Хотелось бы поблагодарить Гертрауд Ригер, коллегу Т. Заочной по работе в Обществе поддержки уязвимых народов, за подробный рассказ об этом семинаре.

Сибири, много сделавшим для изучения коренных народов и языков Камчатки. Сложности с посещением полуострова начались у Кастена задолго до 24 февраля 2022 года, однако начало полномасштабной российской агрессии подвело под камчатскими проектами ученого окончательную черту. Полевые исследования стали невозможны. Институциональное сотрудничество прервалось. Для осмысления влияния войны на академическое сообщество североведов издан трехтомный сборник *A Fractured Nord* (2024–2025). В обзорной статье “From implemented co-production to enforced stagnation: revising methodologies in a changing political environment (1993–2023)” Кастен рассказывает о своем профессиональном пути и благодарит людей, с которыми связала его судьба — в том числе, Тьян Заочную. (Kasten 2024: 211–234). Английский перевод статьи Заочной “Forty Years After the Paris Colloquium ‘Siberia 1582–1982’” недавно опубликован в третьем томе сборника (Zaotschnaja 2025: 21–34).

Йоханнес Рор, немецкий эксперт по проблемам малых народов российского Севера в области права и экономики, охотно откликнулся на нашу просьбу рассказать о том, как он познакомился с Тьян Заочной:

Это было в 1992 году в Зальцбурге на конференции Word Uranium Hearing. Я тогда изучал в Кельне славистику и историю Восточной Европы. В тот год отмечалось 500-летие экспедиции Христофора Колумба, повсюду звучал лозунг: «500 лет порабощения — довольно!» Тема коренных народов была у всех на устах. Мне как слависту хотелось как можно больше узнать об «индейцах Дальнего Востока». На конференции в Зальцбурге я впервые встретил представителей коренных народов российского Севера. Знакомство с Тьян оказалось самым продолжительным. В 1993 году мы вместе поехали на Камчатку, посетили ее родное Пушино.

(Из письма Й. Рора. — Пер. с нем. А. Шибаровой)

В 2018 году российские власти запретили Йоханнесу Рору въезд в страну. В России активисты, защищающие права коренных народов, сегодня подвергаются репрессиям, многие вытеснены в эмиграцию. В марте 2022 года несколько правозащитников-политэмигрантов объединились в Международный комитет коренных народов России (Internatio-

nal Committee of Indigenous Peoples of Russia, ICIPR). Группа создана как альтернатива существующей с 1990 года Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (The Russian Association of Indigenous Peoples of the North, RAIPON), с которой Заочная активно сотрудничала с момента ее основания. В 2010-е годы группа RAIPON все заметнее эволюционировала в сторону провластной позиции, после 24 февраля 2022 года неоднократно высказывалась в поддержку войны (Rohr 2024: 213–233).

26 июля 2024 года Международный комитет коренных народов России (ICIPR) был включен Министерством юстиции РФ в число экстремистских организаций. В Комитете состоят представители самых разных автохтонных народов российского Севера — саамов, селькупов, удегейцев, шорцев, чукчей и др. Старейшиной Комитета является Тьян Заочная. Ее коллега, главный редактор сайта коренных народов России²⁶ Дмитрий Бережков, много пишет сегодня о разрушительном влиянии войны на коренные народы. Из России правозащитнику пришлось уехать в 2011 году, с тех пор он живет в Норвегии. Дмитрий Бережков родился на Камчатке и осознает себя ительменом.

Я сам — ительмен. Это коренной народ, который живет на Камчатке. Мы ихтиофаги, рыболовы. Все свое детство я провел вместе с отцом и родственниками на рыбалке. К своему стыду свой язык я не знаю. Это большая проблема.

(Бережков 2023)

Как видим, в известных ситуациях и при определенном складе личности незнание этнического языка может парадоксальным образом вызывать компенсаторный эффект. В этом убеждают судьба и биография Тьян Заочной, равно как, по всей вероятности, Дмитрия Бережкова. В их случае исходная удаленность от этнического языка как «большая проблема», объясняемая репрессивной государственной политикой, становится серьезным импульсом для построения *ethnic identity*.

На материале текстов Тьян Заочной, наших устных бесед, переписки и различных косвенных свидетельств мы попытались воссоздать

26 <https://indigenous-russia.com/> (25.03.2025).

траекторию ее движения к этническим корням. Мы могли наблюдать, как изначальная индифферентность в отношении своего автохтонного происхождения, диффузная самоидентификация в качестве русскоязычного *homo soveticus* постепенно сменяется у молодой женщины, любознательной от природы, интересом к угасающему малому народу, желанием приобщиться к его культуре, к его языку. Мобильность, готовность к взаимодействию с разными социальными средами — первый опыт путешествия по многонациональному СССР, переезд в метрополию, знакомство в Ленинграде с представителями неофициальной культуры, приобщение в Москве к миру диссидентства и самиздата; наконец, вынужденный отъезд в эмиграцию, успешная интеграция, подключение к международной повестке борьбы коренных народов за свои права, и одновременно регулярные поездки на родину вплоть до 2014 года — все это составляло ту подвижную среду, в которой формировалась и уточнялась этническая идентичность Тьян Заочной. Для того чтобы осознать себя ительменкой, ей понадобилось уехать из родных мест, примерить на себя новый социальный опыт. Благодаря перестройке стало возможным движение в обратную сторону — не столько в качестве ностальгирующего туриста, сколько в качестве «общественницы», видящей своей целью улучшение среды своего происхождения, помощь сородичам.

«Я человек не пишущий», — говорит о себе Тьян Заочная. Тем более значимым оказался для нее первый опыт письма, полученный благодаря предложению Татьяны Мамоновой в конце 1970-х: «Как будто через какую-то границу перешла», — вспоминает она. В небольших автобиографических очерках Тьян впервые сформулировала и перенесла на бумагу ответы на сущностные вопросы: кто я? откуда прихожу? как влияет на жизнь моей семьи, на мою судьбу государственная политика? как личность может сопротивляться насилию государства?

В целом не будет преувеличением сказать, что тексты, написанные для альманаха *Женщина и Россия*, стали для Заочной первыми подступами к большой экзистенциальной теме, которая занимала ее долгие годы и продолжает занимать до сих пор.

Литература

- Арс, Евгений [Евгений Арсеньевич Мамонов] (1972): *Уют (Посвящается Тьян Заочной)*. — Машинопись. Из домашнего собрания Т. Заочной.
- Батьянова, Елена / Тураев, Вадим (отв. ред.) (2010): *Народы Северо-Востока Сибири. Айны. Алеуты. Ительмены. Камчадалы. Кереки. Коряки. Нивхи. Чуванцы. Чукчи. Эскимосы. Юкагиры*. Москва: Наука.
- Бережков, Дмитрий (2023): «Коренные народы: за что они борются и почему не хотят независимости от России?» <https://sapere.online/korennye-narody-za-cto-oni-boryutsya-i-pochemu-ne-hotyat-nezavisimosti-ot-rossii/> (25.03.2025)
- Васякина, Оксана / Козлов, Дмитрий / Талавер, Саша (сост.) (2020): *Феминистский самиздат. 40 лет спустя*. Москва: Common place.
- Вахрин, Сергей (2016): *Тайны камчатских имен. Курильцы, камчадалы, тунгусы*. Петропавловск-Камчатский: Новая книга.
- Вахтин, Николай (2001): *Языки народов Севера в XX веке*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета.
- Вахтин, Николай / Головкин, Евгений / Швайтцер, Петер (2004): *Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания*. Москва: Новое издательство.
- Вознесенская, Юлия / Горичева, Татьяна / Малаховская, Наталья / Мамонова, Татьяна (1980): *Женищина и Россия. Альманах женищинам о женищинах. Вып. 1. 10 декабря 1979 г.* Ленинград: des femmes. — Самиздат.
- Володин, Александр (1976): *Ительменский язык*. Ленинград: Наука.
- Володин, Александр (1995): *Ительмены*. Санкт-Петербург: Просвещение.
- Володин, Александр / Мурашко, Ольга / Тураев, Вадим и др. (2010): «Ительмены», в: Батьянова, Елена и др. (отв. ред.): *Народы Северо-Востока Сибири. Айны. Алеуты. Ительмены. Камчадалы. Кереки. Коряки. Нивхи. Чуванцы. Чукчи. Эскимосы. Юкагиры*. Москва: Наука, 140–201.
- Володин, Александр (гл. сост.) / Оно, Чикако (ред.) (2021): *Полный ительменско-русский словарь*. Санкт-Петербург / Fürstenberg / Havel: Институт лингвистических исследований РАН / Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 11–18.

- Володин, Александр / Халоймова, Клавдия (1993): *Букварь для 1 класса ительменских школ*. Санкт-Петербург: Просвещение.
- Дебец, Георгий (1951): *Антропологические исследования в Камчатской области: Труды Северо-Восточной экспедиции*. Москва: Академия Наук СССР.
- Дюрр, Михаэль / Кастен, Эрих / Лонгинов, Сергей / Халоймова, Клавдия (1997): *Историко-этнографическое учебное пособие по ительменскому языку*. Петропавловск-Камчатский: Камшат. — Переизд.: Фонд культуры народов Сибири. 2012. <https://bolt-dev.dh-north.org/files/dhn-pdf/lcituch.pdf> (25.03.2025)
- Заочная, Тьян (1983а): «В защиту малых народов», в: *Русская мысль* 3452. 17 февраля.
- Заочная, Тьян (1983б): «Правда о моем народе». Доклад на международном коллоквиуме «Сибирь 1582–1982» (Париж, 24–27 мая 1983). — Из домашнего собрания Т. Заочной.
- Заочная, Тьян (1987): «По обе стороны Берингова пролива», в: *Страна и мир* 1 (37), 140–143.
- Заочная, Тьян (1998): «О том, как я занималась ительменским», в: Заочная, Тьян (рус. текст) / Фелешко, Казимир (ред.) (1998) *Словарь ительменского языка. Из собраний профессора Бенедикта Дыбовского. Собр. Игнацом Радлинским. Słownik języka kamchadalów. Ze zbiorów Profesora Benedykta Dybowskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Energeia, 31–32.
- Заочная, Тьян / Николаев, Евгений (1980): «Открытое письмо в Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (об ительменском языке)». 21 августа. <https://indigenus-russia.com/archives/27099> (23.03.2025).
- К. С. (1980): «Пресс-конференция Татьяны Мамоновой», в: *Русская мысль* 3329. 9 октября.
- Кинас, Эмма (2012): «Ительменский — живой язык», в: *Камчатский край*. 5 июня. <https://kam-kray.ru/news/2012/06/06/itelmenskiy-zhivoy-yazyk.html> (24.03.2025).
- Козлов, Дмитрий (2020): «Штрихи к биографии альманаха», в: *Феминистский самиздат. 40 лет спустя*. Москва: Common place, 20–25.

- Крашенинников, Степан (1949): *Описание земли Камчатки: С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов*. Москва/Ленинград: Издательство Главсевморпути.
- Мамонова, Татьяна и др. (1980) «Эти добрые патриархальные устои», в: *Женищина и Россия. Альманах женищинам о женищинах. Вып. 1. 10 декабря 1979 г.* Ленинград: des femmes. — Самиздат. в : *Феминистский самиздат. 40 лет спустя*. Москва: Common place, 119–129.
- Мамонова, Татьяна (2001): «Тьян», in: Mamonova, Tatyana: *Succès d'estime*. In Russian and English. New York: Woman and Earth Press, 49–51.
- Мурашко, Ольга (1996): «Ительмены и камчадалы: метаморфозы этнической идентичности», в: Вяткин, Анатолий / Иванов, Сергей (сост.): *Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография: материалы Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук 1994 г.* Москва: [Б. и.], 358–377.
- Мурашко, Ольга (2010): «Камчадалы», в: Батянова, Елена и др. (отв. ред.) *Народы Северо-Востока Сибири. Айны. Алеуты. Ительмены. Камчадалы. Кереки. Коряки. Нивхи. Чуванцы. Чукчи. Эскимосы. Юкагиры*. Москва: Наука, 201–261.
- Николаев, Евгений (1979): «К истории возникновения Свободного профсоюза», в: *Хроника защиты прав в СССР* 35. Нью-Йорк: Хроника, 28–31.
- Николаев, Евгений (1984): *Предавшие Гиппократа*. Лондон: OPI.
- Окунь, Семен (1935): *Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае*. Ленинград: ОГИЗ/Соцэкгиз.
- Орлова, Елизавета (1932): *Ntanselqzaalkicen! Будем учиться! Ительменская учебная книга*. Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство.
- Орлова, Елизавета (1999): *Ительмены: историко-этнографический очерк*. Санкт-Петербург: Наука.
- Пика, Александр (1996): «Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее не забывая прошлого», в: *Социологические исследования* 11, 47–53.

- РК (1978): *Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях*. Frankfurt a. M.: Посев, 72–74, 81–86. [Вольное слово. Вып. 31–32].
- Салова, Галина (2001): «Из воспоминаний», в: *Кронид. Избранные статьи К. Любарского*. Москва: РГГУ, 134.
- Сидоревич, Анна (б. д.): *Если об этой истории не узнают все — чего мы будем стоить тогда*. <https://spb.iofe.center/node/232> (24.03.2025).
- Сидоревич, Анна (2020): «Самиздат Ленинградского женского движения во Франции», в: *Феминистский самиздат. 40 лет спустя*. Москва: Common place, 88–97.
- Слезкин, Юрий (2020): *Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Старкова, Надежда (1976): *Ительмены: материальная культура XVIII в. – 60-е г. XX века: этнографические очерки*. Москва: Наука.
- Тюшов, Владимир (1906): *По западному берегу Камчатки*. Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича. [Записки Императорского русского географического общества по общей географии XXXVII/2], 460.
- Халоймова, Клавдия (1988): *Букварь с приложением*. Ленинград: Просвещение.
- Хирш, Франсис (2022): *Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза*. Москва: Новое литературное обозрение. — Пер. с англ. Р. Ибатуллин.
- ХТС (1980): *Хроника текущих событий*. Выпуск 56. Москва: Самиздат, 30 апреля. Переиздано: Нью-Йорк: Хроника.
- Шибарова, Анна (2025). «„Жизнь меня в это русло ввела...“ Два письма Тьян Заочной», в: Козлов, Дмитрий / Струкова, Елена: *Эрика — женское имя. Очерки истории женского самиздата в СССР 1950–1980-х*. Москва: Новое литературное обозрение. — В печати.
- Шишло, Борис (1994): «Коренные народы Сибири и новая Россия». Доклад на Международном colloquium «Сибирские народы и культурное возрождение в контексте новой России» в: *Краеведческий бюллетень* 1. Южно-Сахалинск, 154–170.

- Kasten, Erich (2024): "From Implemented Co-production to Enforced Stagnation: Revising Methodologies in a Changing Political Environment (1993–2023)", in: Kasten, Erich / Krupnik, Igor / Fondahl, Gail (ed.): *A Fractured North – Journeys on Hold*. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 211–234. <https://bolt-dev.dh-north.org/files/dhn-pdf/fn2kasten.pdf> (14.06.2025)
- Mamonova, Tatiana (1980): «Autobiographie», in: *Россиянка. Des femmes russes. Par des femmes de Léningrad et d'autres villes*. Paris: des femmes, 9–14.
- Morgan, Robin (1984): "Foreword", in: Mamonova, Tatyana / Malitsky, Sarah (ed.): *Women and Russia*. Boston: Beacon Press, IX–XI.
- Nikolaev, Evgenij (1981): „Die Karatschaier. „Man hat den Ort der Verbannung nur ersetzt“. Zum Schicksal der verschleppten Völker in der UdSSR“, in: *Pogrom* 82, 29.
- Nikolajew, Jewgenij / Saotschnaja, Tjan (1981): „Brief an die Vereinten Nationen. Die Bedrohung des Itelmenischen Volkes in der UdSSR“, in: *Pogrom* 82, 29–30.
- Rohr, Johannes (2024): „Kolonisiert. Die indigenen Völker in Russland“, in: *Osteuropa* 1–3, 213–233.
- Ruthchild, Rochelle (1983): "Sisterhood and Socialism: The Soviet Feminist Movement", in: *Frontiers: A Journal of Woman Studies* 7/2, 4–12.
- Sinanevt (1982): «Talia», in: *Voix de femmes en Russie*. Paris: Denoël/Gonthier, 25–28. — Traduit du russe par Sylvie Ardourel et Marie-Claude Stark.
- Sinanevt, Z. (1980): «Témoignage d'une Itelmène», in: *Россиянка. Des femmes russes par des femmes de Léningrad et d'autres villes*. Paris: des femmes, 137–141. — Sylvie Bercot, Hélène Henry-Safier, Martine Loridon, Mireille Zanuttini, ont traduit ces textes.
- Sinanevt, Z. (1981): «Ma grand-mère», in: *Femmes et Russie. 1981 Léningrad – Paris. Par le collectif de rédaction de l'Almanach*. Paris: des femmes, 1981. 121–126. — Olga Abrego, Yves Barrier, Anne Coldefy, Gilles Gache, Anne Laurent, Martine Loridon, Hélène Henry-Safier, Marie-Claude Stark et Mireille Zanuttini, ont traduit ces textes.
- Sinanevt, Z. (1983): „Meine Großmutter“, in: Mamonova, Tatiana (Hg.): *Die Frau und Russland. Almanach* 3. Augsburg: Mond/Buch Verlag, 71–75. — Übersetzung aus dem Russischen: Irina Brezna, Helena Bühler, Susanne Klotz, Regina Portenier, Sabine Schaffner.

- Sinanevt, Z. (1984): “My Grandmother”, in: Mamonova, Tatyana / Malitsky, Sarah (ed.). *Women and Russia*. Boston: Beacon Press, 63–66. — Translated by Rebecca Park.
- Zaotschnaja, Tjan (1999): «La vérité sur mon peuple: les Itelmènes du Kamtchatka», in: *Sibérie II: Questions sibériennes: Histoire, cultures, littérature. Cultures et sociétés de l’Est*, no. 4. Paris: Institut d’études slaves, 435–441.
- Zaotschnaja, Tjan (2025): “Forty Years After the Paris Colloquium ‘Siberia 1582–1982’: The Itelmens’ Thorny Road to Survival”, in: Kasten, Erich / Krupnik, Igor (ed.) *Fractured North – Maintaining Connections*. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 21–34.